

В.А. Глазырин

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВА В СОЦИОЛОГИИ МАКСА ВЕБЕРА

В статье рассматривается социологическая концепция права выдающегося немецкого социолога. Несмотря на то, что М. Вебер является одним из классиков правовой социологии, его идеи в области познания права и правоотношений в научной литературе раскрыты далеко не в полной мере. Обычно они излагаются в разрозненном виде, что не позволяет составить целостное представление о веберовской социологии права.

Цель работы заключается в том, чтобы раскрыть основные положения социологии права М. Вебера, составляющие ее «смысловое ядро». Автором раскрывается социологическая интерпретация права в рамках веберовской понимающей социологии, приводится определение права немецкого социолога в контексте объяснения им легального порядка, рассматривается веберовская концепция формально-рационального права, а также анализируется веберовский подход познания правовых институтов в социальной системе.

Социология права — одна из отраслей социологии, начало формирования которой уходит во вторую половину XIX в. (Бачинин 2001: 212–279; Глазырин 2003). Однако в социологической науке она до сих пор находится в положении «золушки», т. к. воспринимается многими профессиональными социологами как второстепенное знание — притом, что сфера права и правоотношений является неотъемлемой частью любого общества, за исключением архаического. Современное общество не существует вне его правовых характеристик. Так, рассматривая социальную структуру общества, нельзя не обращать внимания на описание его правовой структуры. Среди совокупности социальных институтов обязательно надо выделять институты права. Составной частью процесса социализации личности является ее правовая социализация, сознание индивидов включает в себя правосознание и правовые установки, социальный статус личности содержит характеристику ее правового статуса, правонарушения и преступные деяния являются видами социальных девиаций и т. д. Одним из важнейших аспектов культуры является правовая культура. Право «пронизывает» социум на макро- и микроуровнях его организации. А правовые изменения — это часть социальных изменений. Одного этого перечня правовых компонентов общества вполне достаточно, чтобы понять, что в социологии право и его институты являются *обязательными* объектами познания.

Конечно, правил без исключения не бывает. В социологии права был свой «золотой век». Это период классической социологии права, представленный творчеством Э. Дюркгейма, М.

Вебера, Е. Эрлиха, Р. Паунда, О. Холмса, Г. Гурвича, Н. Тимашева. Каждый из них внес свою лепту в становление социологии права, разработал оригинальную социоправовую концепцию. В свою очередь, в дореволюционной России в социальных науках и юриспруденции существовало мощное течение социологического подхода в изучении права. В связи с этим известный русский социолог Н.И. Кареев ввел в научную лексику термин «юристы-социологи». К ним, в частности, относились С.М. Муромцев, Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, Н.А. Гредескул, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Б.А. Кистяковский (см.: Кареев 1996: 103–150).

Среди отцов-основателей правовой социологии М. Вебер, пожалуй, занимает особое место. Он одним из первых стал употреблять термин «социология права» (Вебер 1990: 596, 642), целенаправленно ввел правовую проблематику в свою социологическую доктрину (см. Hunt 1978: 60–92, 102–103, 130–133), получившую наиболее развернутое изложение в работе «Хозяйство и общество» («Wirtschaft und Gesellschaft», 1922). Правовые аспекты социологии М. Вебера нередко должным образом не оцениваются, а между тем его социология права характеризуется *многогранностью* аспектов изучения права (Глазырин 2003: 125–156). Т. Парсонс, говоря о роли социологии права немецкого ученого в его общесоциологическом мировоззрении, отмечал, что «сердцевина веберовской социологии заключается ни в его изучении экономических и политических проблем, ни в его социологии религии, а в его социологии права» (Parsons 1971: 40).

В немногочисленных публикациях, посвященных социологоправовым взглядам М. Вебера, положения его правовой социологии излагаются в разрозненном виде, что не позволяет составить целостное представление о веберовской социологии права. Понимая, что в одной работе невозможно исчерпывающим образом представить содержание социологии права М. Вебера, тем не менее, будем стремиться к тому, чтобы избежать односторонности в ее изложении и анализе. *Цель* статьи заключается в том, чтобы раскрыть основные положения веберовской социологии права, составляющие «смысловое ядро» социолого-правовой концепции великого немецкого социолога.

Интерпретация права в понимающей социологии М. Вебера

Исходный пункт веберовского социологического подхода в исследовании права связан с «эмпирической» особенностью его социологии (см. напр.: Давыдов 2001: 17), изучающей социальные действия, что отличает ее от «догматического» знания таких, например, наук, как математика, логика, нормативная этика, юриспруденция (Вебер 1990: 7–17). М. Вебер отмечал, что когда нормативно значимое в догматическом знании становится объектом эмпирического социологического исследования, оно в качестве объекта лишается своего нормативного содержания и рассматривается как сущее, а не как объективно-правильное значение (Там же: 590). Метаморфоза нормативно значимых истин в значимые конвенциональные мнения, когда они становятся объектом рефлексии, рассматривающей их под углом зрения их эмпирического бытия, а не нормативно правильного смысла, существуют независимо от того, что нормативная значимость истин догматического знания является вместе с тем априорной данностью эмпирических наук (Там же: 591). Поскольку, по мысли М. Вебера, социология представляет одну из эмпирических областей знания, она имеет как свое специфическое видение социального мира, так и свое, отличное от юриспруденции, понимание права.

К. Манхейм, рассматривая правопонимание М. Вебера, подчеркивал такую его мысль: «Когда речь идет о праве, правопорядке, правовых нормах, необходимо особенно строго соблюдать различия между юридическим и социологическим способом рассмотрения. В первом случае ставится вопрос: каким должен быть идеал права? То есть имеется в виду:

какое значение, или, иначе, — какой нормативный смысл логически непротиворечиво должен содержаться в языковых формулировках, выступающих в качестве правовой нормы? Во втором случае, напротив, вопрос заключается в следующем: что, фактически, происходит внутри сообщества в виду возможности того, что люди, участвующие в деятельности сообщества, и среди них, в особенности, те, кому принадлежит социально значимая мера фактического влияния на деятельность сообщества, исходя из своих субъективных убеждений, считают определенные порядки и нормы обязательными и практически осуществляют их, то есть руководствуются ими в своих действиях» (Манхейм 2000: 258). Смысловое содержание этого фрагмента подтолкнуло К. Манхейма к тому, чтобы назвать методологию познания права М. Вебера способом, когда нормативный (догматический) характер права, имманентно присущий юридическому рассмотрению, «берется за скобки» (Там же: 528). Право, взятое в своем нормативном значении в скобки, получает значение в том, что оно 1) становится субъективно понимаемым смыслом, 2) в сознании множества отдельных индивидов, 3) способно проявляться как побуждающий к действию мотив, поскольку для каждого из индивидов, составляющих сообщество, существует возможность того, что и другие члены общественной ассоциации будут в своих действиях руководствоваться именно этим субъективным смыслом. С юридической же точки зрения право раскрывается 1) в объективном (идеально-объективном) смысле, который 2) обращается на субъект права, 3) реализующий его, причем 4) правильным юридическим способом (Там же).

Объяснение права в концептуальных границах понимающей социологии позволило М. Веберу провести принципиальное для его социологии права положение о различии эмпирической и нормативной значимости порядка (Вебер 1990: 638) и показать, что изучение значимости эмпирического порядка составляет одну из сторон объектно-предметной области правовой социологии (Глазырин 2003: 125–133).

Чем отличается содержание эмпирической значимости порядка как важной познавательной области социологии права от юридико-нормативного понимания порядка?

Во-первых, описывая эмпирический порядок, Вебер отмечал, что известные многочисленные единообразия в поведении людей, прежде всего, в сфере экономической жизни, объясняются отнюдь не только их ориентацией на юридические нормы, но также и тем, что их взаимоориентированные действия отвечают их собственным интересам. Он писал: «По мере того как они действуют таким образом — чем более целерационально их поведение, тем более сходны их реакции на данные ситуации, — возникают однообразие, регулятивность и длительность установки и поведения, которые часто обладают значительно большей стабильностью, чем поведение, ориентированное на нормы и обязанности, считающиеся “обязательными” в определенном кругу. Тот факт, что ориентация только на собственные и чужие интересы достигает эффекта, которого обычно пытаются — и очень тщетно — добиться с помощью норм, привлек пристальное внимание исследователей, прежде всего в области экономики... Однако значимость указанного явления распространяется и на все остальные сферы человеческого поведения» (Вебер 1990: 635).

Во-вторых, важный момент веберовского описания эмпирического порядка состоит в том, что поведение индивидов вполне может быть ориентировано на несколько систем установлений, которые в объективно-смысловом отношении противоречат друг другу, однако сохраняют свою субъективную значимость для них. Например, согласно законодательству, дуэли запрещены. Между тем в соответствии с социокультурными условностями, принятыми в тех или иных общественных группах, дуэль может оказаться практически неизбежной. «Участвуя в дуэли, — писал М. Вебер, — индивид ориентирует свое поведение на эти конвенциональные предписания; однако, скрывая свои действия, он ориентируется на требование закона. Следовательно, практическое воздействие эмпирической... значимости

обеих систем установлений в этом случае различно. Между тем обеим системам приписываем эмпирическую “значимость”, которая состоит в том, что поведение осмысленно ориентируется на их (субъективно осмысленный) смысл и испытывает его влияние» (Там же: 637).

В-третьих, М. Вебер, раскрывая свое понимание значимости эмпирического порядка, отмечал, что поскольку значимость правового порядка определяется признанием индивидами норм права и ориентацией на них в своем поведении, то даже если для некоторого числа людей нормы права служат образцом и обязательным условием их жизни, то возрастает и вероятность ориентации поведения других людей на данный порядок. Но вместе с тем, несмотря на то, что некоторый юридический порядок официально существует, если обход или нарушение этого порядка превращается в правило, то его значимость для индивидов «ограничивается» или даже, в крайнем случае, вообще утрачивается (Там же: 513, 637–638).

В-четвертых, М. Вебер, рассматривая эмпирический порядок, отметил, что разные категории людей нередко вкладывают различный смысл в содержание юридических норм-требований. Их смысловое значение может отличаться даже у профессиональных юристов. Тем более субъективный смысл закона может быть неодинаков у различных групп «публики», граждан (Там же: 637–638).

Итак, раскрыв содержание эмпирической значимости порядка, Вебер выделил принципиальный аспект исследовательской сферы социологии права, изучающей прежде всего субъективный смысл юридических институций индивидов, многообразие их субъективно значимых ориентаций по отношению к максимам легального порядка, а также масштаб распространения этих установок-ориентаций в обществе; условия, факторы, способствующие формированию поведения граждан, соответствующего максимам легального порядка; черты-особенности эмпирического порядка и его соотношение с юридическим нормативным порядком.

Легитимный порядок и веберовское определение права

Определение права, сформулированное М. Вебером в контексте описания им легитимного порядка, является существенным моментом его социологии права. Он отмечал, что содержание социальных отношений называется легитимным порядком в тех случаях, когда поведение индивидов ориентировано на их представление о существовании правовых максимумов легитимного порядка. Возможность такой ориентации была им названа значимостью легитимного порядка (Там же: 636–637). Вебер писал, что о значимости правового порядка следует говорить, «когда фактическая ориентация на эти максимумы происходит хотя бы отчасти (т. е. в той степени, в какой она может играть практическую роль) потому, что они считаются значимыми для поведения индивидов, т. е. обязательными для них, или служат... образцом, достойным подражания» (Там же: 637).

Легитимность порядка может быть гарантирована (обеспечена) внутренне и внешне. Внутренне — что означает: 1) чисто аффективно (эмоциональной преданностью); 2) ценностно-рационально (верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей — нравственных, эстетических или каких-либо иных); 3) религиозно (верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка) (Там же: 639–640).

К внешним гарантиям легитимного порядка М. Вебер относил *условность* и *право* (Там же: 640). Условность гарантирует порядок порицанием отклонения от его норм-требований в определенном кругу людей. Следование условности (например, необходимость придерживаться тех или иных правил в общении, одежде, этикете и т. п.) ожидается от индивида как обязательное соответствие общественным нормам-стандартам и отнюдь не

предоставляется его произвольному решению. При нарушении условности (в частности, требований профессиональной этики) «социальный бойкот со стороны людей одной профессии часто оказывается значительно более действенной и ощутимой карой, чем та, которую мог бы вынести судебный приговор» (Там же).

Решающим моментом в понимании права как внешнего гаранта легитимного порядка для М. Вебера было наличие специальной группы принуждения (Там же: 641). Наличие такой группы — это разграничительный признак между условностью и правом. Порядок, гарантированный извне только ожиданием порицания, при отсутствии группы людей, действия которых специально направлены на его сохранение (обеспечение), не может быть определен как право. Так, действия хозяина дома в отношении жильцов, ведущих себя неподобающим образом, не выходят за пределы условности, поскольку меры принуждения, порицания применяет только отдельный человек (Там же: 640). В результате этих размышлений М. Вебер дает следующее определение права (он отмечал, что в юриспруденции оно вполне может быть иным): «Порядок может быть определен как право, если он внешне гарантирован возможностью, что принуждение (физическое или психологическое) будет осуществляться определенной группой людей, специально созданной для этой цели, чтобы обеспечивать подчинение или пресекать нарушения» (Weber 1966: 5). В современном обществе, указывал Вебер, такими специальными социальными группами, гарантирующими порядок и повиновение, являются судьи, прокуроры, судебные исполнители и другие особые (обычно социально-профессиональные) группы. Между тем специализированные группы — гаранты легитимного порядка — не обязательно имеют вид, характерный для развитой цивилизации. Такой группой-общностью, например, может быть род в вопросах кровной мести (Вебер 1990: 641).

Итак, право в его отношении к легитимному порядку понимается Вебером в качестве одного из внешних условий, гарантирующих легитимный порядок в обществе, посредством специальной социальной группы принуждения к соблюдению его требований-максим в случаях их нарушения.

Формально-рациональное право М. Вебера

Безусловно, важной стороной социологии права М. Вебера является его концепция *формально-рационального права* (см.: Берман 1998: 521–533; Bergman, Reid 2000: 223–239), объяснение которого зиждется на понимании им *формальной рациональности* социальных отношений в западном обществе.

Содержание формальной рациональности М. Вебер чаще всего показывал на примере западной капиталистической экономики, сравнивая формальную и материальную рациональность хозяйственно-экономических отношений. Он отмечал, что в экономике, организованной на началах формальной рациональности, «каждое предприятие рассчитано на прибыль, т. е. на то, что будет достигнут излишек по сравнению с денежной оценкой затраченных на предприятие средств. Оно работает по расчету капитала, т. е. составляется баланс, к которому приводятся все единичные правила в области “калькуляции”, т. е. определения шансов на меновую прибыль. Расчет капитала означает, что блага вкладываются в предприятия по денежной расценке и после окончания... установленного хозяйственного периода подсчитывается денежная прибыль или убыток (путем сравнения начальной и конечной ценности капитала). Поскольку этот расчет становится всеобщим, на него и тем самым на шансы рынка ориентируются обмен благ и их производство» (Вебер 2001: 13). М. Вебер подчеркивал, что производственно-капиталистические отношения при формально-рациональной их организации ориентируются исключительно на шансы рынка и не могут в рыночных условиях быть заменены другой системой хозяйственной организации, измерения

издержек и доходов (Там же: 14). Формальную ориентацию на шансы рынка немецкий ученый называл мирной борьбой людей между собой и борьбой за цену (Там же: 10, 13). Таким образом, формальная рациональность в экономике заключается в расчете шансов (возможностей) добиться желаемого результата, предполагает ясное понимание целей и адекватных им средств реализации, калькуляцию издержек и доходов.

В отличие от формальной рациональности материальная рациональность в сфере экономических отношений не базируется на формальных расчетах шансов рынка. По словам Вебера, это рациональность «для чего-то», т. е. она рассматривается в отношении к некоторым ценностям (например, к моральным ценностям и представлениям о справедливости) либо в связи с политической целесообразностью и различными социальными вопросами (Там же: 10).

«Расколдовывание» социальных отношений связано, в том числе, с тем, что на область права и правоотношений, как и на другие сферы общественной жизни, распространяется действие формальных и материальных (содержательных) начал рациональности, «правовая жизнь тоже знает такую борьбу в споре между формальным применением права и материальным чувством справедливости» (Там же: 22). В качестве примера борьбы формального и материального принципов в праве М. Вебер рассматривал противостояние прусского короля Фридриха Великого и профессиональных юристов, толковавших его указы и решения, продиктованные стремлением к пользе для целей управления и общего блага, строго формально, что, по мнению монарха, приводило к нежелательным общественным последствиям (Там же: 22, 309, 491). К материальной юрисдикции М. Вебер относил юриспруденцию мусульманского кади, юстицию теократии и абсолютизма, юстицию же бюрократического типа считал формально-юридической (Там же: 22).

Главное, что выделял Вебер среди социальных последствий формального права, заключается в том, что оно предоставляет социальным субъектам возможность предварительного учета их действий и результатов. Формально-рациональное право позволяет (наподобие экономического расчета) «оптимизировать» человеческую деятельность, оно является юридическим способом «калькуляции и вычисления» шансов на достижение успеха участниками социальных отношений в отношении их целей.

Апофеозом формально-рационального права для Вебера была *юриспруденция немецких пандектистов XIX века*. В идеальном (идеально-типическом) виде право, характеризующееся формальной рациональностью, предстает как *логически взаимосвязанная система абстрактных норм, на основе которой факты конкретного юридического дела или проблемы, связанные с правом, могут быть квалифицированы и им будет найдено соответствующее формально-правовое решение* (см. Берман 1998: 526).

В противоположность принципам формального права материальная юрисдикция не позволяет установить правовых рамок, обеспечивающих «калькуляцию жизненных шансов» участникам социальных отношений. Так, например, немецкий социолог отмечал, что, по устоявшимся китайским юридическим правилам и обычаям, допускалось, что человек, продавший дом другому лицу, разорившись, может через некоторое время вернуться обратно в этот дом и просить принять его. Считалось, что если новый владелец дома не выполнит этого древнего завета братской помощи, то духи рассердятся. Таким путем обедневший продавец снова вселялся в дом, не платя ничего за проживание в нем. Вебер подчеркивал, что при подобных правовых порядках ведение рационального экономического хозяйства совершенно невыносимо. Экономическому рационализму «необходимо право, работающее по заранее определенному плану, как машина; обрядо-религиозные и мистические соображения не должны играть здесь никакой роли» (Вебер 2001: 310).

Формально-рациональное право является, по мысли М. Вебера, значимой неотъемлемой социальной характеристикой западного общества. В становлении этой правовой системы

особую роль выполнили профессиональные юристы. Вебер отмечал, что крупнейшими представителями юридического рационализма, оказавшими весомое влияние на формирование западной формально-рациональной правовой системы, были итальянские правоведы, сохранившие правовые традиции римского права, организовавшие преподавание систематического курса права, в частности, в приобретшем особую известность Болонском университете; французские королевские юристы, разработавшие формальные юридические средства для «подрыва» абсолютизма королевской власти и господства сеньоров; теоретики канонического права; придворные юристы и ученые судьи континентальных князей, нидерландские теоретики естественного права, английские королевские и парламентские юристы, Noblesse de Robe (дворянство мантии) французских парламентов, адвокаты эпохи революции (Вебер 1990: 664–665).

Итак, положения о формально-рациональном праве как идеальном типе правовой системы западного общества и сравнение его с материальной юрисдикцией (правом) являются важнейшей частью социологии права М. Вебера, раскрывающей его правопонимание.

Западный город: веберовский подход познания права в социальной системе

По М. Веберу, западноевропейские города «представляли собой общественную организацию официального характера, обладающую особыми органами, союз "бюргеров", подчиненных в качестве таковых общему для всех них праву, следовательно, равных по своему правовому положению» (Вебер 1994: 334). Очевидно, что выделенные немецким ученым признаки западного города — *официальная организация (учреждение), наличие собственного городского права, суда, управления, лично-гражданский статус горожан* — связаны с правом. Не подлежит никакому сомнению, что их содержание, смысл, практическая роль не могут быть точно определены без обращения к юридическим понятиям, языку юриспруденции и юридической процедуре. Поскольку *юридико-правовые основания являются конституирующими началами западного города, постольку городская общность западного типа в существенной мере является юридико-правовой социальной общностью.*

В чем заключается, по мысли М. Вебера, социальный смысл трансформации социальных отношений городской общности как социальной системы в том случае, когда в ее структуру «имплантируется» правовой компонент?

Статус западноевропейского города был статусом корпорации, коммуны (Universitas). В соответствии с романистско-канонической теорией, корпорация действует как юридическое лицо. С формально-правовой точки зрения, город-корпорация — это определенный в формальном отношении общественный, военный, судебный союз, сообщество-учреждение горожан-бюргеров или, иначе говоря, административный округ с соответствующей официальной статусно-должностной системой, официально закрепленными правами и обязанностями горожан, собственной организацией управления и судопроизводства (Там же: 360–386).

Античные и азиатские городские поселения, отмечал Вебер, существовали на других, чем западноевропейские города, основаниях. Их конституирующим началом был род (родоплеменные связи), характеризующийся кровно-родовыми, семейно-родовыми и магически-религиозными узами, поскольку, как это издревле установилось, всякий легитимный союз должен был базироваться на родо-ритуальной основе традиционных форм сообщества людей — род, курия (фратрия), триба (фила). Именно принадлежность к родовому сообществу была необходимым признаком полноправного члена в общественной, в том числе городской ассоциации, позволявшим ему принимать участие в культовых обрядах и занимать какую-либо должность (Там же: 334–342).

Право, согласно размышлениям М. Вебера, становясь структурным элементом социальных отношений, модифицирует сообщество (социальную систему) вполне определенным образом. Оно позволяет преодолеть традиционный тип магически-религиозных и родовых отношений, ленную и сеньориональную зависимость, образовать городское сообщество на корпоративных началах, сформировать статусные права и обязанности горожан, имевших в городе-коммуне «независимо от их принадлежности к племенному или ритуальному союзу... одинаковые шансы на существование» (Там же: 340).

Таким образом, пример городского законодательства европейских средневековых городов-коммун убеждал Вебера в том, что право позволяет вытеснить из сферы социальных связей отношения, основанные на естественно-родовых и магическо-религиозных началах, т. е. преодолеть общественные связи и отношения, характерные традиционному *Gemeinschaft*-сообществу, и конституировать вместо них социальные отношения и общественную организацию другого, современного типа — *Gesellschaft*-общество. Здесь важно то, что немецкий социолог показывает *социосозидающий потенциал права*, подчеркивает то, что оно является *началом-основанием социальности *Gesellschaft**.

Было бы ошибкой всецело отождествлять социальные отношения западноевропейского города с их юридической формой и содержанием. Своеобразие веберовского социологоправового подхода изучения западного города состоит, помимо прочего, в том, что юридический и не юридический аспекты его познания тесно взаимосвязаны. Его подход можно назвать синтетическим (см. Давыдов 2001: 17–21), когда социологическое описание западноевропейского типа города, заключающееся, прежде всего, в описании и анализе специфической формы общения (отношений) вида *Gesellschaft*, органично дополняется юридическим, историко-сравнительным, экономическим, военно-политическими аспектами его познания (Там же: 26–32).

М. Вебер подчеркивал, что при изучении западного города «необходимо строго различать его формально-правовую, социологическую и политическую стороны... В формально-правовом отношении корпорация горожан как таковая и ее учреждения ”легитимно“ конституировались посредством (действительных или фиктивных) привилегий, данных политической, а иногда и вотчинной властью. Отчасти ход событий действительно соответствовал этой формально-правовой схеме. Но часто, причем в важнейших случаях, речь шла о совершенно другом: о революционной узурпации, если рассматривать происходящее с формально-правовой точки зрения» (Вебер 1994: 342). В научных публикациях, как отмечал немецкий социолог, законная, легитимная последовательность образования и развития городов представляется в большей мере, чем это было на самом деле: за юридической формой не замечаются ее определенные фактические основания, реальные социальные процессы. Но незаконность («революционная узурпация») — это историческая реальность образования и развития многих европейских городов (Вебер 2001: 290).

В экономическом отношении основа городского союза состояла в общей потребности его жителей в использовании «возможностей увеличения шансов на сбыт и доходов каждого горожанина» (Вебер 1994: 332). Это желание проявлялось среди разных горожан по-разному. Наиболее состоятельные из них были кровно заинтересованы в концентрации большего имущества и денежного богатства в городе. Несвободные лица и отпущенные на заработки в город имели шанс, получив доход, уплатить выкуп и стать свободными. К тому же город предоставлял его жителям возможность хозяйственно-экономической карьеры. Вот как, например, по описанию Вебера, происходило становление выдвигающегося вверх по экономической лестнице человека в средневековой Венеции. Он начинал в качестве лодочника, розничного торговца, потом переходил к поездкам за море, получая в кредит товары и деньги от знатных и богатых фамилий, и продавал товары на Востоке, чтобы по возвращении разделить прибыль с заимодавцем. Если обстоятельства ему

благоприятствовали, то по истечении нескольких лет он приобретал в Венеции собственность в виде земли, кораблей; после этого ему открывался доступ в привилегированное городское сословие (Вебер 2001: 294).

В формировании западноевропейского городского сообщества М. Вебер также учитывал политико-военный фактор, отмечая, что в отличие от стран Востока на Западе, начиная с раннего периода античности *conjuraciones* (клятвенные союзы) были *вооруженными городскими союзами* (Вебер 1994: 354). На Востоке вооруженная сила высшей власти основывалась на отделении военных от средств ведения вооруженных действий и от безоружных подданных, поэтому «на этой основе не могла возникнуть политическая, независимая по отношению к царской власти бюргерская община» (Там же: 353). На Западе же вплоть до императорского периода сохранялся принцип самоэкипировки войска (Там же). Европейский город возникал в качестве союза лиц, экономически способных самостоятельно вооружаться, развивать военное искусство и осуществлять свою оборону от неприятелей. Это своеобразие в военной организации западноевропейских городов, подчеркивал М. Вебер, имело решающее общественное значение, именно этим объясняется возникновение на Западе (и только там) корпоративных и автономных общин (Там же: 354).

Веберовский социологоправовой анализ западноевропейского города показывает, что юридические и социальные характеристики западного города рассматривались немецким социологом в равной степени значимыми для понимания европейской городской общности. Они взаимодополняют друг друга, в своей совокупности всесторонне раскрывают содержание системы социальных связей западноевропейской городской общности. В самом деле, с одной стороны, общественно-историческое преодоление социальных отношений традиционалистского типа, регулирование разногласий, конфликтов между группами городского сообщества, а также экономические нужды и цели горожан требуют адекватных правовых форм, юридических институтов. С другой стороны, автономия города обеспечивается военной силой, за юридической оболочкой прав и обязанностей бюргеров скрывается то или иное противоборство их интересов, а процессам корпоративно-статусной институционализации городского сообщества нередко предшествовала узурпация чьих-либо прав.

Итак, рассмотрев основные моменты веберовского подхода изучения права в рамках средневекового западноевропейского города-сообщества, можно сказать, что он является примером социологического познания взаимодействия различных компонентов социальной структуры западного города, изучения функционирования права в совокупности отношений этой социальной системы, выяснения социотворческой роли права и юридических институтов в процессе социальной трансформации *Gemeinschaft*-общности в *Gesellschaft*-общество.

Подведем итоги. Содержание правовой социологии М. Вебера не может быть сведено к некоторому одному-единственному положению или отдельной исследовательской установке, — в ней выделяются различные грани изучения права и правоотношений. Разносторонний анализ права в познавательных границах социологии является, пожалуй, главным достижением веберовской социологии права, не имеющим аналога в социологической науке, за исключением, быть может, социологоправовой концепции Т. Парсонса (см.: Глазырин 2001; Посконин 1995). Важно, что у М. Вебера социологическое постижение права не связано с конъюнктурой и модой в науке, оно составляет необходимую область социологического знания, без которой нельзя обеспечить полноту познания социальной реальности. Благодаря своей многогранности веберовская социология права предстает развитым социальным знанием, устанавливающим исследовательские направления в современной социологии права.

Литература

- Бачинин В.А. История философии и социологии права. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001.
- Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Инфра-М, МГУ, Норма, 1998.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Юрист, 1990.
- Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Вебер М. История хозяйства. Город. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
- Глазырин В.А. Право и социальная система в концепции Т. Парсонса // Российский юридический журнал. 2001. № 1.
- Глазырин В.А. Социология права в Западной Европе: от А. Токвиля до М. Вебера. Екатеринбург: Изд-во Уральской государственной юридической академии, 2003.
- Давыдов Ю.Н. Веберовская социология истории // Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
- Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
- Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Посконин В.В. Правопонимание Толкотта Парсонса. Ижевск: Изд-во Удмуртского государственного университета, 1995.
- Berman H.J., Reid C.J. Max Weber as Legal Historian // The Cambridge companion to Weber. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Hunt A. The Sociological Movement in Law. Philadelphia: Temple University press, 1978.
- Parsons T. Value-freedom and objectivity // Max Weber and Sociology Today. N.Y.: Harper and Row, 1971.
- Weber M. On Law and Economy in Society. Cambridge, Massachusetts: Harvard U.P., 1966.